

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Д. Д. ТУМАРКИН

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ УЧЕНЫЙ-ГУМАНИСТ

(К 75-летию со дня смерти Н. Н. Миклухо-Маклая)

Исполнилось семьдесят пять лет со дня смерти Н. Н. Миклухо-Маклая — замечательного путешественника и исследователя, страстного борца за права угнетенных народов. Вся его сознательная жизнь была подчинена, как он сам писал, одной цели — принести пользу науке и человечеству. Его научный и общественный подвиг не изгладится из памяти грядущих поколений.

Николай Николаевич родился в 1846 г. в семье, близкой к передовым кругам тогдашней России. Будущий ученый, по словам его брата, впитал «с молоком матери идеи шестидесятых годов, идеи справедливости и гуманности»¹. За участие в студенческом движении он был исключен из Петербургского университета без права поступления в другие русские высшие учебные заведения и вынужден был окончить свое образование за границей.

В студенческие годы Миклухо-Маклай углубленно изучал естественные науки, решив стать ученым-зоологом. Но одновременно он уделял много внимания социальным проблемам, зачитывался сочинениями Чернышевского и других русских революционных демократов, увлекался утопическим социализмом Сен-Симона и Роберта Оуэна. Юноша преклонялся перед Н. Г. Чернышевским, отправленным царизмом на каторгу в Сибирь. В 1864 г. он попросил мать прислать в Гейдельберг фотографию этого выдающегося революционера и сделал с нее карандашный портрет, пытался помочь Чернышевскому деньгами, хотя сам находился в крайне стесненных материальных условиях².

«Я всегда испытываю, — писал в те годы Миклухо-Маклай, — большую симпатию к бедным и тем, кто находится в плохих политических и социальных условиях; у меня большая симпатия к бедным и бесправным, чем к богатым и полноправным»³. Этих взглядов он придерживался всю свою жизнь; они легли в основу его научной и общественной деятельности.

В 1866—1868 гг. молодой ученый посетил Канарские острова, остров Мадейру и Марокко, главным образом для изучения морской фауны.

¹ Цит. по: Н. А. Бутинов, Н. Н. Миклухо-Маклай (Биографический очерк). В кн.: Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. IV, М.-Л., 1953, стр. 480.

² Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. IV, стр. 447—448, 467, 484; т. V, М.-Л., 1954, стр. 313.

³ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. IV, стр. 13.

Весной 1869 г. он совершил путешествие по берегам Красного моря, где европейцы в то время появлялись не часто. Хотя такой маршрут был выбран Миклухо-Маклаем в связи с его зоологическими исследованиями, в этом путешествии уже проявились черты, определившие его дальнейшую жизнь — страсть к трудным и опасным предприятиям, глубокий интерес к образу жизни, культуре и быту народов. В своем докладе «О путешествии по берегам Красного моря» ученый уделил много внимания условиям жизни арабов, их городам и культуре, попытался вскрыть причины их нищеты⁴.

Летом 1869 г. Миклухо-Маклай вернулся в Россию и начал работать в Зоологическом музее Академии наук, был принят в члены Русского географического общества. Академик К. М. Бэр и директор Зоологического музея Ф. Ф. Брандт приветливо встретили молодого ученого, уже успевшего зарекомендовать себя своими зоологическими исследованиями, и предложили ему заняться обработкой богатейшей коллекции морских губок, хранящейся в музее. Результаты проделанной работы были изложены в двух статьях, одна из которых посвящена губкам северной части Тихого океана. Начиная с этой статьи, научные интересы Миклухо-Маклая оказались навсегда связанными с тихоокеанскими проблемами.

Уже в сентябре 1869 г. Миклухо-Маклай представил в Совет Географического общества проект многолетнего путешествия на Тихий океан, начиная с его северных морей — Охотского и Японского. Проект этот предусматривал в основном зоологические исследования. Антропологическими и этнографическими вопросами ученый предполагал заниматься лишь попутно, в «свободное от специальных занятий время»⁵. Но в процессе подготовки к экспедиции его замыслы существенно изменились.

Ознакомившись с литературой о тихоокеанском островном мире, Миклухо-Маклай установил, что огромный остров Новая Гвинея фактически оставался тогда для европейцев terra incognita. Вскоре ученому стало ясно, что как в научном, так и в общественном плане наиболее актуально изучение обитателей этого острова, папуасов, о которых ходят фантастические слухи, используемые расистами.

Дело в том, что в 50—60-х годах XIX века вопросы, связанные с изучением человеческих рас и интерпретацией расовых особенностей, сделались весьма острыми и вышли за рамки научных дискуссий. Старый спор между моно- и полигенистами приобрел новое содержание и иную направленность в связи с ожесточенной борьбой вокруг невольничества негров в США, национальными движениями в Европе и колониальной экспансией капиталистических государств в Африке, Азии и Океании. Многие видные англо-американские антропологи (Нотт, Глиддон, Гент и др.) и небезызвестный французский реакционер Артур Гобино, выступая с позиций полигенизма, пытались доказать, что человеческие расы неравноценны, что разница в культурном уровне народов объясняется их врожденными свойствами, что «белые» (особенно арийцы, англо-саксы) якобы самой природой предназначены господствовать, а «цветные» — подчиняться. Теории биологической обусловленности национальных различий, их неизменности и внеисторичности сделались оружием в руках эксплуататоров, стали использоваться для оправдания колониальных захватов. Поэтому не случайно, что против такого рода концепций решительно выступал Н. Г. Чернышевский,

⁴ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. II, М.-Л., 1952, стр. 353—362.

⁵ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. IV, стр. 26—28.

категорически отвергавший лженаучное деление человеческих рас на «высшие» и «низшие». «Мы убеждены,— писал он еще в 1857 г.,— что и негр отличается от англичанина своими качествами исключительно вследствие исторической судьбы своей, а не вследствие органических особенностей»⁶. Эти взгляды идейного вождя русских революционных демократов были близки и понятны Миклухо-Маклаю.

Рис. 1. Н. Н. Миклухо-Маклай в рабочем костюме
(публикуется впервые)

Значительное влияние на научную судьбу молодого исследователя оказало общение с К. М. Бэр — основателем современной эмбриологии, выдающимся зоологом, географом и этнографом, одним из зачатей антропологии в России. Этот замечательный ученый не только отстаивал теорию единого происхождения человечества, но и разоблачал реакционную общественно-политическую сущность концепций англо-американских полигенистов⁷. В своей известной статье «О паузах и альфурах» Бэр, подробно изложив аргументацию в пользу моно-

⁶ Н. Г. Чернышевский, Полное собр. соч., т. IV, М., 1948, стр. 476.

⁷ См.: М. Г. Левин, Антропологические работы К. М. Бэра, «Сов. этнография», 1954, № 1, стр. 122—125.

генизма, отметил, что для подкрепления и детализации этой теории очень важно послать экспедицию на Новую Гвинею. «Желательно и, можно сказать, научно необходимо,— подчеркивал Бэр,— чтобы жители Новой Гвинеи были полнее обследованы». Эта статья произвела глубокое впечатление на Миклухо-Маклая, ибо специальные антропологические вопросы были тесно увязаны в ней с важной мировоззренческой проблемой. Характерно, что, отправляясь на Тихий океан, он взял статью Бэра с собой и постоянно обращался к ней в течение нескольких лет, а приведенные выше слова сделал эпиграфом к одной из своих работ о папуасах⁸.

Если учесть, что Миклухо-Маклай проявлял большой интерес к трудам и личности Чернышевского и в период подготовки к экспедиции находился под несомненным влиянием Бэра, станет понятно, почему молодой ученый, ознакомившись с актуальными тихоокеанскими научными проблемами, избрал в качестве первоочередного объекта Новую Гвинею и решил придать своим изысканиям «антропо-этнологический характер».

С большим трудом отстоял Миклухо-Маклай изменение программы своей экспедиции в Географическом обществе, от которого получил небольшую субсидию. Почти год заняла морская дорога. Наконец в сентябре 1871 г. исследователь высадился с корабля «Витязь» на северо-восточном берегу Новой Гвинеи, где еще не ступала нога европейца. Так началась героическая новогвинейская эпопея Миклухо-Маклая, поставившая его в ряд величайших путешественников прошлого столетия.

Пятнадцать месяцев провел ученый на северо-восточном берегу Новой Гвинеи и затем еще дважды посетил эти места, пробыв здесь в общей сложности около трех лет. О его жизни и деятельности на Береге Маклая мы узнаем главным образом из его дневников. Эти дневники — не только неоценимый источник для изучения папуасов, но и в известной мере автопортрет ученого. Со страниц этого замечательного документа, против воли автора, постепенно возникает образ удивительно скромного и бесстрашного человека, прогрессивного ученого, просветителя, гуманиста.

Через несколько дней после высадки Миклухо-Маклай, безоружный, отправился в ближайшую деревню. Недружелюбно встретили папуасы таинственного чужеземца. Несколько стрел пролетело рядом с его головой. Но путешественник не растерялся. Желая показать свои мирные намерения, он разостлал на земле циновку и... лег спать среди вооруженных людей⁹. Этот поразительный, на первый взгляд невероятный случай характерен для Миклухо-Маклая. Своим мужеством, терпением, справедливостью и человеколюбием он сумел преодолеть насто-роженность папуасов и завоевал их любовь и доверие.

Миклухо-Маклай понимал, что нельзя глубоко изучить людей, не сочувствуя их страданиям и радостям, не испытывая желания облегчить их судьбу. Он лечил больных, учил островитян выращивать новые для них культурные растения, раздавал семена, спички, железные топоры и ножи, пытался прекратить местные войны. Островитяне стали приглашать ученого на свои празднества, советовались с ним по разным вопросам. Миклухо-Маклай превратился в «тамо боро-боро» — «большого человека», друга и наставника папуасов. Теперь уже не копья и стрелы, а радостные улыбки встречали его в местных селениях.

Сблизившись и подружившись с папуасами, Миклухо-Маклай сумел собрать огромный фактический материал. Он необычайно тщательно и

⁸ Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., т. III, ч. I, М.-Л., 1951, стр. 23.

⁹ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. I, М.-Л., 1950, стр. 94—98.

подробно описал хозяйство и материальную культуру своих темнокожих друзей, их повседневный быт, нравы и обычаи, уделил много внимания их самобытному искусству. Эти материалы и по сей день остаются важнейшим источником по этнографии Новой Гвинеи, непревзойденным образцом этнографического исследования. Особую ценность представляет данная ученым характеристика производительных сил папуасов — людей, тогда еще совершенно не затронутых «западной цивилизацией» и живших в условиях неолита.

Хотя в дневниках и статьях Миклухо-Маклая содержится немало интересных фактов и наблюдений, касающихся социального строя и религии папуасов, эти стороны их жизни освещены ученым менее подробно. Последнее объясняется особой сложностью указанных вопросов, а также отсутствием у исследователя ключа к пониманию закономерностей развития первобытного общества: книга Моргана «Древнее общество» и гениальный труд Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» были опубликованы в 1877—1884 гг., в период тихоокеанских экспедиций Миклухо-Маклая, и, по-видимому, остались ему неизвестными. Сказалась также чрезвычайная осторожность ученого, стремившегося придерживаться строго проверенных фактов и воздерживавшегося, как он сам писал, от добавления к личным наблюдениям различных догадок и гипотез¹⁰. Такой стиль исследовательской работы Миклухо-Маклая весьма выгодно отличается от научных приемов тех современных английских и американских этнографов, которые, пробыв около года на Новой Гвинее, с «легкостью в мыслях необыкновенной» берутся судить о самых сокровенных сторонах местной культуры¹¹.

Огромное значение имело антропологическое изучение папуасов, ради которого Миклухо-Маклай и отправился в первую очередь на Новую Гвинею. Опровергнув бытовавшее в то время среди антропологов мнение о наличии «обезьяноподобных» черт у папуасской расы, ученый блестяще доказал, что физический тип папуасов существенно ничем не отличается от европейского, что их культурная отсталость объясняется не расовой неполноценностью, а особыми историческими условиями, в которых развивались жители Новой Гвинеи. Очень важен и актуален в наши дни вывод Миклухо-Маклая о том, что с изменением условий жизни папуасы, как и все «цветные» народы, смогут быстро догнать в своем развитии цивилизованных жителей Европы и Америки¹².

В 70—80-х годах Миклухо-Маклай посетил также юго-восточный и западный берега Новой Гвинеи, побывал на многих других островах Океании, дважды, в исключительно трудных условиях, пересек полуостров Малакку, подолгу жил в Индонезии и Австралии. Эти путешествия дали богатые научные плоды. Достаточно упомянуть точное и наглядное описание материальной культуры населения островов Адмиралтейства, интереснейшую характеристику общественных отношений на островах Палау и Яп, ценные антропологические наблюдения, произведенные неутомимым исследователем на Филиппинах, в Малакке и в Австралии.

Опираясь на материалы, собранные во время этих поездок, а также на результаты стационарного изучения обитателей северо-восточного

¹⁰ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. I, стр. 88—89.

¹¹ См., например: L. Pospisil, *Karauku Papuans and their law*, New Haven, 1958; M. Reay, *The Kuma. Freedom and conformity in the New Guinea highlands*, Carlton, Victoria, 1959.

¹² С. П. Толстов, Н. Н. Миклухо-Маклай (К 65-летию со дня смерти), «Сов. этнография», 1953, № 2, стр. 5.

побережья Новой Гвинеи, Миклухо-Маклай пришел к выводу о существовании более или менее единого меланезийского (папуасского) расового типа в юго-западной части Океании и в некоторых прилегающих к ней районах Юго-Восточной Азии, высказал интересные соображения о связи между африканскими неграми и океанийскими негроидами, попытался определить место австралийцев среди других расовых групп человечества. Все эти исследования представляют первоклассный источник для доказательства идеи видового единства и взаимного родства человеческих рас¹³.

Путешествуя по Тихому океану, Миклухо-Маклай столкнулся с жуткой колониальной действительностью — похищением людей и работорговлей, массовыми земельными конфискациями, спаиванием, ограблением и прямым истреблением коренного населения. Эти возведенные в систему злодеяния потрясли ученого-гуманиста. Ознакомившись с трагическими последствиями контакта местных народов с носителями «западной цивилизации», он воочию убедился в том, что австралийским аборигенам и островитянам Океании угрожает судьба тасманийцев, совершенно истребленных английскими колонизаторами. В жизни Миклухо-Маклая наступил новый этап: он понял, что недостаточно одной научной критики расизма, что необходимо немедленно начать практическую борьбу в защиту человеческих прав народов Тихого океана.

«Истребление темных рас не что иное, как применение грубой силы,— писал ученый в 1877 г.—...Всякий честный человек должен восстать против злоупотреблений ею»¹⁴. И Миклухо-Маклай восстал. Он посылал письма и телеграммы европейским государственным деятелям, выступал с публичными лекциями, помещал статьи в газетах и журналах, протестуя против совершающихся злодеяний и требуя прекращения политики «насилия, людокрадства и невольничества»¹⁵.

Верил ли Миклухо-Маклай в успех своих обращений к сильным мира сего? Как с горечью писал сам исследователь, ему не раз приходила на ум мысль, что его призывы пощадить островитян во имя справедливости и гуманности «походят на просьбу, обращенную к акулам, не быть такими прожорливыми»¹⁶. Почему же Миклухо-Маклай неоднократно обращался к правительствам колониальных держав?

Следует прежде всего учитывать, что почти все письма и телеграммы ученого в защиту островитян становились достоянием гласности и перепечатывались газетами многих стран. Таким путем Миклухо-Маклай обращался к мировой общественности, рассчитывая, что она окажет давление на соответствующие правительства и тем самым хоть в какой-то мере затруднит действия рабовладельцев и прочих колонизаторов. «Знаю, что мой протест (или, вернее, напоминание о существовании прав слабых),— писал ученый по поводу своего письма английскому верховному комиссару в западной части Тихого океана,— остается пока гласом вопиющего в пустыне, но надеюсь, что он встретит сочувствие между теми, для которых «справедливость» и «права человека» не единственно пустые слова»¹⁷. В другом письме, написанном

¹³ О значении научного наследия Миклухо-Маклая см. подробнее: Я. Я. Рогинский и С. А. Токарев, «Н. Н. Миклухо-Маклай как этнограф и антрополог», Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. II, М.-Л., 1950, стр. 683—738; М. Г. Левин, Очерки по истории антропологии в России, М., 1960, стр. 57—79.

¹⁴ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. II, стр. 423—424.

¹⁵ Там же, т. IV, стр. 250.

¹⁶ Там же, т. II, стр. 443.

¹⁷ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. IV, стр. 180—181.

тремя годами раньше, Миклухо-Маклай прямо выразил нереальную в те времена надежду на то, что «общественное мнение всех честных и справедливых людей будет для моего дела достаточным покровительством и охраною против бесправных притязаний правительств и против несправедливых и насильственных поступков разных европейских эксплуататоров и искателей обогащения...»¹⁸.

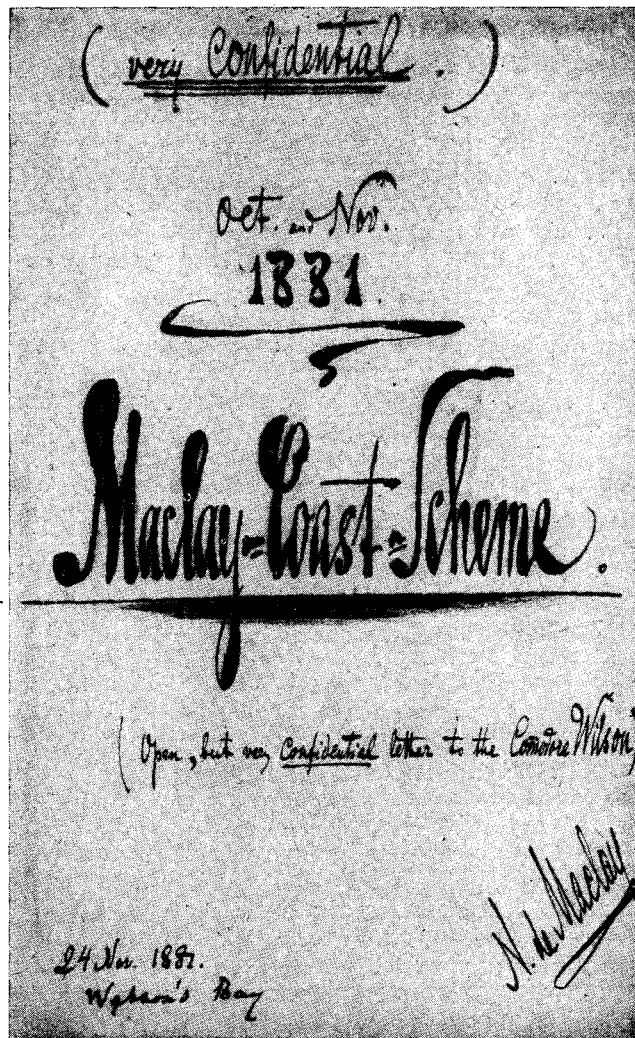

Рис. 2. Обложка Проекта создания Папуасского Союза

Кроме того, Миклухо-Маклай стремился использовать противоречия между великими державами. Как только в австралийских газетах появились сообщения о планах аннексии части Новой Гвинеи Великобританией, он обратился к германскому канцлеру Бисмарку. Узнав, что американский генерал Мак-Ивер готовит колонизационную экспедицию на Берег Маклая, ученый сразу же послал телеграмму, а потом и письмо английскому министру колоний лорду Дэрби. Когда же герман-

¹⁸ Там же, стр. 133.

ское правительство, отбросив всякую маскировку, объявило о своем намерении аннексировать северо-восточную Новую Гвинею, Миклухо-Маклай обратился с просьбами о вмешательстве к правительствам России и Великобритании. Такая тактика дала некоторые результаты, позволив, в частности, предотвратить разбойничий набег Мак-Ивера. Но она не могла существенно изменить ход событий¹⁹.

Пытаясь отстоять независимость своих друзей-папуасов, Миклухо-Маклай разработал несколько утопических проектов, ярко отразивших его идейные позиции. Среди замыслов ученого особый интерес представляет проект создания Папуасского Союза — независимого государства на северо-восточном берегу Новой Гвинеи.

Первые наброски этого плана появились у Миклухо-Маклая уже в 1876 г., но подробный проект «MacLay-Coast Scheme» был составлен им в ноябре 1881 г. Опираясь на местные институты и обычаи, он предполагал «поднять уровень цивилизации» папуасов, помочь им «достичь более высокой и всеобщей ступени чисто туземного самоуправления» и сплотить в едином Союзе изолированные друг от друга деревни, расположенные в районе Берега Маклая²⁰.

Для решения важных вопросов, касающихся Союза в целом, Миклухо-Маклай намечал создать Большой Совет, состоящий из представителей всех селений. Чисто местные дела должны были остаться в ведении уже существующих деревенских советов. Себе ученый отводил роль консультанта при Большом Совете и его «представителя в сношениях с чужеземцами и людьми, не принадлежащими к Союзу». Помогать ученому должна была группа отобранных им специалистов-иностранцев — каменщик, плотник, кузнец, знатоки тропического земледелия и др.

В качестве первоочередных мероприятий проект предусматривал открытие школ, строительство дорог и мостов, а также развитие местной экономики. Ученый предполагал широко внедрить на Берегу Маклая сельскохозяйственные культуры, пользующиеся спросом на мировом рынке, и научить местное население более совершенным методам их выращивания. Намечалось также основать несколько небольших промышленных предприятий, начать меновую торговлю с другими районами Новой Гвинеи и близлежащими островами, установить взаимовыгодные торговые связи с Австралией и некоторыми другими государствами. В результате Берег Маклая за короткий срок должен был превратиться в «важный центр тропического земледелия и иных подходящих отраслей производства», а папуасы по своему культурному уровню приблизились бы к европейцам.

Таков был в общих чертах план создания Папуасского Союза. Стремясь помочь своим темнокожим друзьям, Миклухо-Маклай тщательно обдумал многие детали. Но весь проект в целом носил нереальный, утопический характер как вследствие низкого уровня социально-экономического развития папуасов, крайне затруднявшего столь радикальные преобразования, так и в особенности ввиду неминуемого противодействия колониальных держав, завершавших как раз в те годы подготовку к разделу всей Новой Гвинеи.

¹⁹ Б. А. Вальская, Борьба Н. Н. Миклухо-Маклая за права папуасов Берега Маклая, Сб. «Страны и народы Востока», вып. I, М., 1959, стр. 136—139. См. также: E. Germer, Miklucho-Maklai und die koloniale Annexion Neuguineas durch das kaiserliche Deutschland, «Voröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig», Hf. 11, Berlin, 1961, стр. 153—170.

²⁰ Цит. по микрофильму материалов о Миклухо-Маклае, полученному из Австралии Центральным государственным архивом военно-морского флота в Ленинграде.

Миклухо-Маклай несколько раз возвращался к плану создания Папуасского Союза, тщетно добиваясь его поддержки правительствами великих держав. Убедившись в неосуществимости этого плана, он попытался начать реализацию другого своего замысла. На сей раз речь шла о создании на Берегу Маклая русского поселения, призванного помещать колониальному порабощению местных жителей и содействовать их развитию по пути прогресса.

При ознакомлении с проектом этого поселения, составленным в 1886 г., невольно вспоминаются студенческие годы Миклухо-Маклая, когда он зачитывался сочинениями Чернышевского и французских социалистов-утопистов. В самом деле, проект предусматривал создание общины вольных поселенцев с совместной обработкой земли, распределением продуктов по труду и демократическим самоуправлением. Не о таких ли трудовых общинах мечтала Вера Павловна — героиня романа Чернышевского «Что делать?». Примечательно также, что в статье В. Модестова, опубликованной в 1886 г. петербургской газетой «Голос», проводилась параллель между проектируемым поселением и фаланстерами Фурье²¹.

Проект ученого-гуманиста нашел благоприятный отклик в демократических слоях русского общества. Около двух тысяч человек выразили желание поселиться на Берегу Маклая. Иной была реакция правительственных кругов. Уже сам характер задуманного поселения неминуемо должен был возбудить против него царских сановников. Как видно из архивных документов, при рассмотрении этого вопроса специальной правительственной комиссией представитель министерства финансов, поддержанный уполномоченным министерства внутренних дел, высказался против «той формы самоуправления, которую предлагает дать колонии ее учредитель», выразил сомнение в благонадежности переселенцев и подчеркнул, что «проектируемую колонию невозможно будет оставить не только без правительственного надзора, но и без назначения начальником ее правительственного лица»²². Имелась и другая причина, по которой царское правительство решило отвергнуть рассматриваемый проект: активизируя свою тихоокеанскую политику, царизм не желал, однако, вступать в конфликт с Германией и Великобританией из-за района, столь далеко расположенного от российских берегов. В результате Александр III начертал на проекте резолюцию: «Считать это дело конченным. Миклухо-Маклаю отказать»²³.

Ученый тяжело переживал крах своих попыток спасти от чужеземных захватчиков обитателей северо-восточной Новой Гвинеи. По словам его брата Михаила, он не переставал думать о том, как отнять у Германии захваченный ею Берег Маклая, намеревался в дальнейшем без согласия царского правительства основать на одном из тихоокеанских островов вольное русское поселение²⁴. Прежде чем приступить к осуществлению этой заветной цели, Миклухо-Маклай хотел привести в порядок и издать свои многолетние исследования. Но дни неутомимого путешественника и борца за права угнетенных народов были уже сочтены.

Тяжелые лишения, болезни и неудачи подорвали силы Миклухо-Маклая. 14 апреля (н. ст.) 1888 г. он скончался в петербургской боль-

²¹ А. Г. Грумм-Гржимайло, Н. Н. Миклухо-Маклай на фоне современной ему эпохи, «Известия Гос. Географического Об-ва», т. 71, вып. 1—2, М.-Л., 1939, стр. 138.

²² Цит. по: Б. А. Вальская, Указ. раб., стр. 144.

²³ Там же, стр. 146.

²⁴ Н. А. Бутинов, Указ. раб., стр. 556.

нице, не успев завершить подготовку к печати дневников и других материалов своих экспедиций.

В царской России Миклухо-Маклай был вскоре почти полностью забыт. Группа прогрессивных ученых — друзей и единомышленников покойного — тщательно добивалась издания его рукописного наследства.

Лишь после Великой Октябрьской социалистической революции, раскрепостившей народы нашей страны и провозгласившей благородные идеи мира, равенства и дружбы между народами всего мира, научный и общественный подвиг Миклухо-Маклая был по достоинству признан и оценен.

В 1923 г. были впервые опубликованы дневники его путешествия на Новую Гвинею — одно из замечательнейших сочинений этого жанра в истории человечества. Вслед за тем вышли в свет другие труды ученого-гуманиста. После большой подготовительной работы, в 1950—1954 гг., Институт этнографии АН СССР, носящий имя Миклухо-Маклая, издал наиболее полное, пятитомное собрание его сочинений, снабженное статьями о жизни и деятельности исследователя и подробными комментариями.

Но и эта фундаментальная публикация не была исчерпывающей в связи с тем, что часть личного архива Миклухо-Маклая осталась в Австралии, где ученый женился и где до сих пор живут его потомки. И вот в прошлом году из Митчеллской библиотеки, находящейся в далеком австралийском городе Сиднее, в Центральный государственный архив военно-морского флота в Ленинграде поступил микрофильм материалов о Миклухо-Маклае, присланный в порядке научно-культурного обмена. На пленку засняты письма, записки, официальные документы, многочисленные рисунки и фотографии. Эти материалы были выявлены австралийским журналистом Ф. Гринопом и затем частично использованы в его книге об отважном русском путешественнике²⁵. Почти все эти документы в России и Советском Союзе не публиковались, а некоторые из них вообще не появлялись в печати. Среди последних — четыре фотографии, на которых изображен Миклухо-Маклай, несколько его рисунков, а также полный текст составленного им в 1881 г. проекта Папуасского Союза (Macclay-Coast Scheme). Одновременно в Государственную библиотеку им. Ленина и в Институт этнографии АН СССР поступили из Австралии фотокопии части дневника его жены и некоторые другие документы²⁶.

Советские этнографы и антропологи не просто собирают и сохраняют научное наследие своего знаменитого предшественника, но и опираются на это наследие в своих новых исследованиях. В 1956 г. был опубликован большой коллективный труд «Народы Австралии и Океании» (под редакцией С. А. Токарева и С. П. Толстова), в котором широко использованы наблюдения и выводы Миклухо-Маклая. Наши этнографы-океанисты продолжают начатое этим ученым изучение культуры и быта коренного населения Новой Гвинеи. Укажем прежде всего на работы С. А. Токарева, который еще в 1929—1933 гг. опубликовал два больших исследования о процессах развития и разложения родовой организации в Меланезии и путях возникновения там общественных классов и государственности²⁷. Происхождение и этнический состав народов Новой Гвинеи и некоторые черты их современной

²⁵ F. S. Greenop, *Who travels alone*, Sydney, 1944.

²⁶ См. ниже статью А. Макарова, *Документы о Н. Н. Миклухо-Маклае в Австралии*.

²⁷ С. А. Токарев, *Общественный строй меланезийцев*, «Этнография», 1929, № 2; его же, *Родовой строй в Меланезии*, «Сов. этнография», 1933, №№ 2—6.

культуры рассматриваются в работах Н. А. Бутинова²⁸. Различным проблемам этнографии папуасов посвятили свои статьи А. Б. Пиотровский, Ю. М. Лихтенберг, М. С. Бутинова, В. М. Бахта и В. Р. Кабо²⁹. Успешно разрабатывается в нашей стране и антропологическая проблематика, интересовавшая Миклухо-Маклая. Эти проблемы сохранили актуальность до наших дней³⁰.

В ленинградском Музее антропологии и этнографии АН СССР хранятся богатые вещественные коллекции, привезенные Миклухо-Маклаем из тихоокеанских экспедиций. Научная ценность этих коллекций, содержащих такие уникальные предметы, как глиняные изображения предков с Новой Гвинеи и деревянные таблички с письменами острова Пасхи, общеизвестна. Фотографии предметов из этих коллекций и их научное описание, а также фоторепродукции многочисленных рисунков ученого помещены в пятом томе Собрания его сочинений, изданного Институтом этнографии. Однако эта часть научного наследия Миклухо-Маклая изучена и использована исследователями пока еще недостаточно.

Возле музейных шкафов и стендов, где выставлены коллекции и рисунки Миклухо-Маклая, всегда многолюдно. Посетители с глубоким вниманием и уважением осматривают немые свидетельства его научных заслуг, знакомятся с жизнью и деятельностью этого подвижника науки. Представленные здесь экспонаты, как и сочинения ученого, участвуют в воспитании советских людей в духе интернационализма, в духе равенства и дружбы между народами.

При музее работает школьный кружок «Юный этнограф». Три его заседания в 1963 г. были посвящены Миклухо-Маклаю. Вволнованно, с восхищением и любовью говорили юные докладчики о замечательном путешественнике и исследователе. И это не случайно. Для миллионов советских школьников Миклухо-Маклай стал одним из любимых героев.

Вместе с советскими людьми память о Миклухо-Маклае чтит все прогрессивное человечество. Не забыли о нем и папуасы северо-восточного берега Новой Гвинеи. Русский путешественник превратился здесь

²⁸ Н. А. Бутинов, Западный Ириан (Этнографический очерк), «Сов. этнография», 1957, № 4; его же, Этнолингвистические группы на Новой Гвинее, «Сов. этнография», 1962, № 3; его же, Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи, Сб. «Пролемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. LXXX, М.-Л., 1962.

²⁹ А. Б. Пиотровский, Культура папуасов залива Астролябии по исследованиям Н. Н. Миклухо-Маклая, «Известия Гос. географического об-ва», т. 71, вып. 1—2, М.-Л., 1939; Ю. М. Лихтенберг, Системы родства папуасов Новой Гвинеи, Сб. «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. 80, М.-Л., 1962; М. С. Бутинова, Н. Н. Миклухо-Маклай о религии папуасов, «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», вып. 2, М.-Л., 1958; ее же, Начатки знаний у папуасов Новой Гвинеи, там же, вып. 3, М.-Л., 1959; ее же, Роль миссионеров в распространении европейской культуры на Новой Гвинее, «Вестник истории мировой культуры», 1960, № 2; В. М. Бахта, Производственные силы папуасов залива Астролябия, «Океанийский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XXXVIII, М., 1957; В. Р. Кабо, Искусство папуасов в трудах Н. Н. Миклухо-Маклая, «Сов. этнография», 1961, № 6.

³⁰ См. исследования В. В. Бунака, М. Г. Левина, С. А. Токарева и Н. Н. Чебоксарова, опубликованные в сборнике «Происхождение человека и древнейшее расселение человечества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XVI, М., 1951; М. Г. Левин, Проблема пигмеев в антропологии и этнографии, «Сов. этнография», 1946, № 2; Я. Я. Рогинский, Теории моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас, М., 1949; В. В. Бунак, Человеческие расы и пути их образования, «Сов. этнография», 1956, № 1; Г. Ф. Дебеч, Опыт графического изображения генеалогической классификации человеческих рас, «Сов. этнография», 1958, № 4; В. Р. Кабо, К вопросу о происхождении австралийцев и древности заселения Австралии (по антропологическим материалам), «Вопросы антропологии», 1961, вып. 7.

в легендарную фигуру. Его деятельность обросла фантастическими наслоениями в местных преданиях³¹.

Как писал Миклухо-Маклай, он выступал защитником «многих десятков тысяч людей, которых преступление состоит единственно в том, что они имеют кожу темного цвета, более слабы и не в состоянии (в настоящее время) отстаивать сами своих прав»³².

Теперь другие времена. Во-первых, вопреки желанию колонизаторов, в связи с включением Новой Гвинеи в систему мирового капиталистического рынка и проникновением туда товарно-денежных отношений, уходят в прошлое старые, первобытнообщинные институты и обычаи папуасов, несравненно расширились их представления об окружающем мире, выросла, особенно после второй мировой войны, их сознательность. Во-вторых, в корне изменилась международная обстановка. Современная эпоха — это эпоха заката империализма, ликвидации его колониальной системы. Как подчеркивается в опубликованном в ноябре 1960 г. Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, «наличие мировой социалистической системы и ослабление позиций империализма открыли перед угнетенными народами новые возможности завоевания независимости»³³.

В настоящее время в Океании быстро нарастает национально-освободительное движение. В 1961 г. оно одержало первую важную победу: завоевала политическую независимость бывшая новозеландская подопечная территория Западное Самоа. Эта победа показала, чего может в наши дни добиться маленький островной народ, пользующийся поддержкой прогрессивных сил всего мира³⁴.

Важные сдвиги происходят на Новой Гвинее. Население ее западной части (Западного Ириана) уже сбросило колониальные оковы и воссоединилось с Индонезией. Горит почва под ногами колонизаторов в восточной части этого крупнейшего острова Океании. Пытаюсь продлить свое колониальное господство, австралийское правительство провело в восточной Новой Гвинее некоторые реформы и даже объявило о своем намерении предоставить ей в «недалеком будущем» автономию. Но папуасов не обманули эти вынужденные уступки. Их освободительная борьба становится все более зрелой и организованной. В ней активно участвует колониальный пролетариат, уже ставший значительной силой в некоторых районах Новой Гвинеи.

Борьба за свободу и независимость разворачивается и на Берегу Маклая. Именно здесь родился и долгое время жил один из руководителей новогвинейского национально-освободительного движения, ветеран второй мировой войны папуас Яли, которого ненавидят и боятся колониальные власти. Об огромных изменениях, происходящих на северо-восточном берегу Новой Гвинеи, свидетельствует английский этнограф К. Бэрридж, который несколько лет тому назад побывал в этих местах. «Канаки (папуасы — Д. Т.), — пишет Бэрридж, — понимают, хотя и еще не вполне сознают, что Новая Гвинея не может долго оставаться конгломератом маленьких групп, отделенных друг от друга различиями в языке и культуре. Они стремятся изучить «пиджин» не

³¹ Н. А. Бутинов, Воспоминания папуасов о Миклухо-Маклае по свидетельствам позднейших путешественников, Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. IV, стр. 739—750.

³² Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. IV, стр. 250.

³³ «Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий», М., 1960, стр. 34.

³⁴ См.: Н. А. Бутинов и Д. Д. Тумаркин, Западное Самоа, «Сов. этнография», 1962, № 2.

только потому, что этот язык позволяет иметь дело с европейским окружением, с которым им приходится сталкиваться сегодня, но и потому, что «пиджин» делает их «ван ток», т. е. людьми с одним языком, одним народом... Уже посеяны семена, которые в один прекрасный день превратятся в государство или конфедерацию государств»³⁵. Как видим, утопичная некогда мечта Миклухо-Маклая о создании Папуасского Союза в наши дни начинает превращаться в действительность.

Придет время — оно уже не за горами! — когда жители Новой Гвинеи и других тихоокеанских островов, освободившись от колониальной зависимости, овладеют всеми достижениями современной культуры. Тогда они узнают и смогут полностью оценить подвиг Миклухо-Маклая, который в мрачную пору 70—80-х годов прошлого столетия пытался остановить меч колонизаторов, занесенный над Новой Гвинеей, пытался защитить человеческие права всех народов Тихого Океана.

SUMMARY

The article is dedicated to N. N. Miklukho-Maklai, the famous Russian traveller. A progressive scholar and public figure, N. N. Miklukho-Maklai was a staunch champion of the rights of the oppressed peoples.

³⁵ K. Burridge, Mambu. A Melanesian millenium, London, 1960, стр. 265.